

...Любить лежалый лист, и бред рябины пыльный,
И детство стариков, и вечный рост детей,
И рыжего кота, сидящего копилкой
Над берегом ночных сказаний и сетей,

Любить клубки дорог, себя истёрших в тропы,
Обрыв густой реки, надставленный кремлём,
Из Азий босиком перебегать в Европы,
Леса дымящих труб миняя напролом,

Навстречу облакам с бумажными боками—
Крой из них ветра, рисуй на них жару,—
И, в небо уходя в обнимку с облаками,
Осколком тёплых гроз вернуться поутру.

Окно выходит в осень и во двор
И снова возвращается—к разбегу,
К раскату дня, но разнится повтор:
Сейчас—по дождю, потом—по снегу.

Расправив створки, взмает в пустоту
С дверной струной и шорохом мышинным
Листвы—и не сболтнёт начистоту,
Куда летит и по каким причинам.

Не потому ли нам во снах темна
Земная ночь и дважды одинока—
За вычетом гулящего окна,
По сути, дополнительного ока...

Постоим в тишине сентября
На краю просветлевшего поля.
Бог подумал о детях, творя
Золотые минуты покоя.

Ты не смог бы заметить вчера,
Суеюю сует озабочен,
Что листва по-цыгански пестра,
А у неба славянские очи,

И что, плавясь, стекает в костёр
И возносится к облаку снова
Простодушный уральский простор—
Тальниковый, песчаный, сосновый...

Дорога. Сосны. Повороты.
Карьер. Отвал пустой породы—
Воронка да уступов ряд.
Таким ли Данте видел ад?
Красоты придорожной свалки,
Где кормятся бомжи да галки...

Уж лучше взоры устремим
Мы к небесам, где пляшет дым
И принадлежностью герба
Глядится каждая труба.
Пока над крышей смог висит,
Уральский город жив и сыт.
Пока растёт картошка в поле,
Он будет сыт и пьян тем боле.

Иронию простите мне—
Наперекор родному чаду
Я тоже в этой стороне
Дышу и чувствую отраду.
Обширен мир, но, как ни взвесь,
Сурова память родовая,
Нам исподволь передавая,
Что пригодимся только здесь.

Неважный я космополит
(По недостатку счёта в банке ль?),
Но за плечом моим парит
По-русски говорящий ангел,
И, мне Европу заслонив,
Вещающая ясную погоду,
Стоит Конжак, чуть-чуть сонлив,
Как снизу кажется народу...

А ты, строптивая душа,
Какой измены захотела?
Живи, как должно, не спеша
Бежать от выданного тела.

Держись за временную плоть,
Как дерево за грунт корнями,
А что сулил тебе Господь,
Давай оставим между нами.

● ● ●
Босая жизнь в медлительной эпохе
При доблестном властителе Горохе.

Суббота—баня, Святки—ворожба,
Иван Купала—выборы зазнобы,
На полдень глянешь—хляби да хлеба,
А на полночь—чащобы да сугробы.

Но сонмище невиданных вещей,
Нездешних сил гуляет на свободе—
С сердечным стимулятором Кашей
И Бабушка Яга на вездеходе,

А то из-за Смородины-реки
Доносит ветер чёрный запах гари—
Там змий крылатый, бают старики,
Шипит в замаскированном ангаре...

● ● ●
Говорю: «Водосбор, горицвет,
Медуница, анютины глазки...»
Ботанический мой кабинет
Словно весь из неписаной сказки.

Только исподволь глянь—филигрань
Улюбых захолустных дорожек:
Чистотел, луговая герань,
Колокольчик, мышинный горошек...

Вновь заставой стоят у реки,
Поднимая фамильные стяги,
Войску мусорных куч вопреки,
Кавалеры любви и отваги.

И со взрывчатой связкой семян
Подползает под днища машинам
Безымянный герой-партизан—
Лютик, пижма, горошек мышинный...

● ● ●
Наутро захлопнешь остаток
Докучных, загадочных снов—
Как дичь балаганная Святюк,
Их перечень краткий не нов.

Во сне продолжается время
От «нынче» и вспять, и вперёд,
И встречи сбываются с теми,
Которых рассвет отберёт.

Там месяц висит над оградой
С наколкой на левом боку,
И кот нецензурной тирадой
Вправляет мозги мужику,

И кличет туманная птица,
И глухнут под выклик леса,
И снится тебе, что не спится—
И сном натираешь глаза...

● ● ●
Не это ли счастье, когда огурец малосолен,
А кот полосат, а домашний не зол и не болен,
И власти, задумав, как водится, новый виток,
Позволят и нам, и себе передышки чуток?

В Эдемском саду неизбежны чеснок и капуста.
Не яблокам—тыквам сродни принадлежности бюста
У розовой Евы, и бродит по тем же садам—
О Боже—похмельный, бесцельный, бесхозный Адам,

Не смея сказать, но палёным нутром разумея,
Что русские Евы и яблока стоят, и змея,
И, яблочной сладью смягчая лекарственный яд,
Потомство Адамова рода они сохранят.

История мира имеет порок повторяться,
А может, достоинство—всё-таки дети творятся,
Сегодня малы, а назавтра, глядишь, велики,
И вяжут: политик—интриги, капуста—вилки.

Мы в щах из последней «в студёную зимнюю пору»
Вернее найдём утешенье души и опору,
Помоем посуду и счастья заманчивый дым
В окошко экрана, чуть-чуть обнаглев, подглядим.

● ● ●
Слова в ночи летают—лишь лови
Живьём в неприспособленные руки,
Не путая—которое к любви,
Которое, наоборот, к разлуке,

Какое просто к солнечному дню,
Что сам собой излечивает хвори
И подбивает нас признать родню
В любой траве, живущей при заборе.

Не снизойти к вам, стебли и листва,
А дорасти до нашего родства—
Ведь в этом тоже суть земной науки:
Смекнуть, что помнят скромные кусты
И страсть, и страх, и вовсе не просты,
Людские мысли слушая, как звуки.

● ● ●
Свежий снег умножать на любовь,
На отчаянье и ожиданье—
Выполняет, наверно, любой
Ежедневное это заданье.

Позабывтый на рельсах трамвай.
Мёрзлый полдень, курчавые ветки...
Счёт запутался—год вырывай.
И никто не поставит отметки.

И скулим, как на привязи, мы,
Что душа угасает с испода,
И хватает огромной зимы
На программу учебного года.